НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 339:330.34

Дата поступления: 09.06.2021

рецензирования: 15.07.2021

принятия: 27.08.2021

Постиндустриальное развитие и характер деиндустриализации в мировой экономике и экономическая безопасность России

В. А. Носков

Самарский государственный экономический университет,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: noskov1962@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8890-8536>

Аннотация: В статье дается оценка мирового опыта постиндустриального развития и деиндустриализации в экономиках как развитых, так и развивающихся стран. Обозначено значение кризиса постиндустриальной парадигмы для развития мировой экономики. Значение применения этого опыта в процессе импортозамещения и разворачивающейся реиндустриализации в России. Анализ мирового опыта постиндустриального развития и деиндустриализации экономики, его макрорегиональных особенностей проводится в контексте поддержания и развития экономической безопасности России. Предложено авторское понимание проблем и перспектив развития процессов импортозамещения и реиндустриализации в мире. Импортозамещение рассматривается как часть стратегии экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: постиндустриализация; деиндустриализация и реиндустриализация экономики; кризис постиндустриальной парадигмы; экономическая безопасность России; политика импортозамещения.

Цитирование. Носков В.А. Постиндустриальное развитие и характер деиндустриализации в мировой экономике и экономическая безопасность России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 3. С. 61–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2021-12-3-61-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Носков В.А., 2021

Владимир Анатольевич Носков – профессор кафедры «Мировая экономика», Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.06.2021

Revised: 15.07.2021

Accepted: 27.08.2021

Post-industrial development and the nature of deindustrialization in the world economy and economic security of Russia

V.A. Noskov

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

E-mail: noskov1962@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8890-8536>

Abstract: The article evaluates the world experience of post-industrial development and deindustrialization in the economies of both developed and developing countries. The significance of the crisis of the post-industrial paradigm for the development of the world economy is indicated. The importance of applying this experience in the process of import substitution and the unfolding reindustrialization in Russia. The analysis of the world experience of post-industrial development and deindustrialization of the economy, its macro-regional features is carried out in the context of maintaining and developing Russia's economic security. The author's understanding of the problems and prospects of the development of import substitution and reindustrialization processes in the

world is proposed. Import substitution is considered as part of the country's economic development and national security strategy.

Key words: postindustrialization; deindustrialization and reindustrialization of the economy; crisis of the postindustrial paradigm; economic security of Russia; import substitution policy.

Citation. Noskov V.A. Post-industrial development and the nature of deindustrialization in the world economy and economic security of Russia // Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Vestnik of Samara University. Economics and Management, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 61–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2021-12-3-61-69>. (In Russ.)

Information about a conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Noskov V.A., 2021

Vladimir A. Noskov – professor of the Department of World Economy, Samara State University of Economics, 141, Soviet Army Street, Samara, Russian Federation.

Введение

Термин «постиндустриальное общество» впервые использован Д. Беллом в начале 70-х годов прошлого века [1]. Теория постиндустриального общества была подробно раскрыта в научных исследованиях таких знаменитых ученых, как: М. Кастельс, Е. Масуда, Дж. Гэлбрейт, М. Маклюэн, М. Порат, З. Бжезинский, Дж. Мартин, У. Дайзард, Т. Стоуньер, А. Турен, Р. Катц, О. Тоффлери др. Среди российских ученых эта концепция освещается в трудах В.Л. Иноземцева, Д. В. Иванова, С.А. Дятлова, Р.Ф. Абдеева, А.И. Ракитова, Н.Н. Моисеева и др.

В постиндустриальной экономике преобладает инновационная составляющая с высокопроизводительными отраслями промышленности, особо выделяемой отраслью информационных технологий, со значительной долей инновационных услуг в ВВП.

При этом необходимо подчеркнуть, что относительное количественное преимущество доли услуг над долей промышленных отраслей не является эквивалентом снижения количественного показателя объемов промышленного производства. Спрос на промышленную продукцию удовлетворяется в полном объеме, и одновременно резко возрастает спрос на деятельность сферы услуг и информационных отраслей, что, в свою очередь, связано с повышением уровня жизни населения, с развитием сферы инновационных услуг и со здоровой конкуренцией в области инновационных услуг [2].

Решающим фактором производства становятся информационные технологии и человеческий капитал, в числе приоритетов в развитии, которого называются образовательный уровень, профессионализм, творческий подход работника и его способность к обучению. Неквалифицированный труд в эпоху постиндустриальной экономики становится все менее востребованным, что является собой препятствия в трудоустройстве для низко образованного населения. Таким образом возникает беспрецедентная ситуация, при которой увеличение численности низкоквалифицированной части населения отрицательно влияет на экономическую мощь страны, а не увеличивает ее [3].

В отличие от роли капитала в индустриальной экономике, когда, в основном от степени его наличия зависела возможность создания промышленного производства и обеспечения весомого положения на рынке, в постиндустриальном обществе величина капитала не является гарантией от банкротства или неудачи, если товар или услуга не обладают инновационными характеристиками. Напротив, именно инновации позволяют без труда найти требуемый капитал в случае отсутствия такового. Здесь примером может служить отрасль информационных технологий.

В обществе постиндустриальном наиболее представленными оказываются наукоемкие, природосберегающие, энергоэффективные и информационные технологии (так называемые высокие технологии). К ним относят, например, микроэлектронику, робототехнику, программное обеспечение, телекоммуникации, аддитивные технологии, нанотехнологии, биотехнологии и др. Буквально все области жизнедеятельности населения соприкасаются с информатизацией – производство товаров и услуг, культуру, искусство, ведение домашнего хозяйства. Наконец, в постиндустриальном обществе снижается значение массового производства. Все большее значение приобретает деятельность малого бизнеса, в производство запускаются кастомизированные товары и услуги во всевозможных вариациях для удовлетворения запросов различных социальных групп покупателей.

Аргументация автора базируется на методологических принципах двойственности экономической природы хозяйствующих субъектов. Используются методы сравнительного, системного и институционального анализа, экономико-статистический метод. Экономическая безопасность – не самостоятельная проблема, а зависимая часть общей безопасности существования и жизнедеятельности государства. На этой основе и проводится анализ текущего состояния постиндустриального развития мировой экономики и политики деиндустриализации экономики, и их макрорегиональных особенностей. Анализ проводится в контексте поддержания и развития экономической безопасности России.

Ход исследования

Вышеперечисленные особенности постиндустриальной экономики позволяют многим зарубежным, а в дальнейшем и российским экономистам классифицировать ее также как инновационную экономику, информационную экономику, или экономику знаний.

Тенденции развития постиндустриального общества в развитых странах изменили в них структуру ВВП. Так, по данным ОЭСР, доля промышленности в ВВП составила в 2019 году 20 % в США, 19,4 % во Франции, 19,2 % в Великобритании, тогда как, по данным Всемирного банка, в ВВП новых индустриальных стран – Китае, Таиланде и Индонезии эта доля была равна 39,8 %, 35,8 % и 39,3% соответственно. Положительный эффект такого снижения доли промышленности в ВВП для развивающихся стран заключался в том, что зависимость их экономик от поставок сырья значительно снизилась. Например, резкий скачок цен на нефть в 2004–2007 гг. не спровоцировал кризис, подобный нефтяным кризисам 1970-х гг.

Необходимо подчеркнуть, что в период постиндустриального развития численность гражданского населения развитых стран, занятого в промышленности, сокращалась, однако одновременно с этим повышался уровень автоматизации производства, использования новейшего технологического оборудования, повышалась квалификация рабочих.

Несмотря на сокращение станочного парка, росла производительность станков, велась работа по совершенствованию их технических параметров, все шире применялась робототехника. Интенсивность научно-технического прогресса возрастала, приведя к сокращению времени смены технологических укладов [4].

Характерной особенностью постиндустриального периода для ряда западных стран является перераспределение своего производственного потенциала с выведением некоторых отраслей в другие страны, с сохранением рентной формы присвоения экономических благ.

Модель страновой специализации труда, установившаяся в рамках международной системы капитализма, подразумевала, что сектор финансов и услуг размещается преимущественно в развитых странах, а промышленный и сельскохозяйственный – в странах развивающихся.

Например, в структуре ВВП США доля сферы услуг составляет почти 80 % (рис. 1). Следует отметить, что тенденция увеличения доли услуг – и в структуре ВВП, и в финансовых показателях – является характеристикой современного экономического развития всех западных стран.

В результате возросшей роли сервиса происходит структурное свертывание промышленности, строительства, аграрной отрасли, транспорта и связи.

Приводя убедительные факты, российский политолог и историк В.Э. Багдасарян делает справедливый вывод о том, что «сервисная революция» в наиболее развитых странах явилась прямым следствием «деиндустриализации» экономики [5].

Подобный тренд развития структуры экономики был характерен и для России (таблица 1). С 35 % в 1990-м г. доля сферы услуг в российской экономике увеличилась до 64,8 % к 2019 г.

Скорость такой сервисизации поразительно беспрецедентна. Сравнивая данные по западным странам со статистикой по сфере услуг России, мы видим, что за период, когда доля услуг в России возросла на 29 %, в развитых странах – лишь на 6–8 %.

Для России выбранное направление реструктуризации экономики за счет свертывания промышленных отраслей и сельского хозяйства является необоснованным и даже опасным по той причине, что деиндустриализация России не может быть компенсирована по западному образцу путем перено-

са производственных мощностей в другие страны. Таким образом, сервисная революция угрожает экономическому суверенитету и экономической безопасности страны.

Рисунок 1 – Секторы экономики США и КНР, % от ВВП, 2019 г. [6; 7]

Figure 1 – Sectors of the economy of the United States and China, % of GDP, 2019 [6; 7]

Таблица 1 – Доля услуг в экономиках России и стран Запада, 1990 и 2019г., % от ВВП [8]

Table 1 – Share of services in the economies of Russia and Western countries, 1990 and 2019, % of GDP [8]

Страна \ Год	Россия	Германия	Франция	Великобритания	США
1990	35,04	61,93	69,59	69,39	74,67
2019	64,77	68,88	78,76	79,93	77,98

Таким образом, мы можем констатировать, что в Европе в целом произошла, по нашему мнению, *позитивная деиндустриализация*, при которой государства не потеряли контроль над промышленностью, продолжали получать рентную прибыль, вынося производства за свои пределы, а развитие сферы услуг происходило в рамках обрабатывающих отраслей в сфере своей специализации (например, инжиниринг, сертификация, IT-услуги, исследования и разработки).

Деиндустриализация в целом ряде отраслей европейской экономики (в авиастроении, судостроении, оборонной промышленности) идет быстрыми темпами, и место европейских стран в производственных сферах занимают развивающиеся страны, что позволяет им с успехом преодолевать отставание, развивать производственный сектор и в долгосрочной перспективе осуществить переход от общества аграрного к обществу индустриальному. Таким образом, прямые инвестиции в развитие промышленности в других странах очень часто предполагают также и передачу производственного опыта, современных технологий и различных навыков. Ярчайшим примером здесь является китайская экономика, рост которой за последние 20 лет базируется преимущественно на грамотном использовании импортируемых технологий и наработанного опыта.

В России же тем временем мы наблюдаем, по мнению автора, *негативную деиндустриализацию* – рост безработицы, снижение уровня жизни населения, усиление технологического отставания страны, ненаукоемкость преобладающей части рынка услуг, падение темпов экономического роста в связи с деградацией многих отраслей промышленности.

Следует также отметить, что значительная доля сферы услуг в экономике страны и высокие потенциалы развития не обязательно находятся в прямой зависимости друг от друга. Например, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, демонстрирующие в целом более высокие темпы роста ВВП, чем страны Евразии – 3,918 % в 2019 г. против – 2,036 %, в то же время имеют долю услуг 59,80 % против 73,81 % в странах Евразии [9].

С течением времени оказание различных финансовых услуг превратилось в самостоятельную сферу деятельности, будучи нередко противопоставлено реальному сектору экономики. В действительности же «виртуальная» экономика не может существовать отдельно от производства материальных благ. Это противоречие явилось одной из предпосылок мирового экономического кризиса [10].

В большинстве случаев кризис зарождался именно в третичном (сервисном) секторе, противопоставляемом первичному (аграрному) и вторичному (индустриальному). Впоследствии кризис переносился в реальный сектор экономики и степень негативного влияния кризиса формировалась именно в нем.

При этом самое резкое увеличение удельного веса третичного сектора совпадает, например, с самым тяжелым периодом американской экономики 20 века – «Великой депрессией». Уже в 1920-е гг. отмечается процесс увеличения доли сферы услуг, кульминацией которого и стала «Великая депрессия». Напротив, последовавший за ней экономический подъем в США характеризовался падением доли сервиса и возрастанием удельного веса промышленности. Мировой финансовый кризис 2008 г., по аналогии с кризисом 1929 г., стал финальной точкой устойчивого роста сервисного сектора экономики развитых стран.

Это, на наш взгляд, говорит о кризисе постиндустриальной парадигмы. Положение Великобритании, Испании, Греции и ряда других европейских стран в период кризиса отчетливо свидетельствовало об острой нехватке в этих странах сильных промышленных отраслей для успешного преодоления кризиса.

Примечателен факт, что, если в 1990–2000-е гг. доля расходов на оборону в ВВП большинства стран мира сокращалась (по всей видимости, из-за свертывания «холодной войны»), то в годы мирового кризиса, в том числе и в 2020–2021 гг. наиболее крупные и геополитически значимые страны мира вновь их увеличивают, что опять же подтверждает гипотезу о росте промышленного производства в годы кризисов.

Развитие страны в тренде постиндустриализма практически неизбежно приводит к снижению темпов прироста объемов производства; снижается и доля промышленности в ВВП, по крайней мере, относительно доли сферы услуг. Снижение доли промышленности в ВВП может являться основной характерной чертой такого явления, как деиндустриализация экономики страны. Как мы выяснили ранее, процесс деиндустриализации в странах Запада и в России шел параллельно с развитием постиндустриальной экономики.

При деиндустриализации имеет место не просто сокращение занятости и общих объемов производства, что характерно для экономики капиталистических государств в периоды кризисов, а именно сокращение базы для развития промышленности вместе с долей промышленных отраслей и относящимися к ним рынками, сокращается наукоемкость производства [11].

Немаловажным спутником деиндустриализации является дефицит торгового баланса страны.

Итак, с 1991 г. основной тенденцией развития экономики России стал курс на деиндустриализацию страны, растянувшийся более чем на два десятилетия. Периоды подъема и спада в экономическом развитии России происходили исключительно на фоне продолжающейся деиндустриализации и роста сырьевой зависимости российской экономики.

Доля промышленности в ВВП РФ значительно сократилась – с 50% ВВП в 1989 году до 32% в 2017 году. За этот же период доля трудоспособного населения, занятого в промышленности, сократилась с 40 до 27 %, что также является крайней нижней точкой за весь период (рис. 2).

При этом квалификация занятого в промышленности персонала существенно снизила свой уровень вследствие отсутствия инвестиций в наукоемкие производства и колоссальный (как моральный, так и физический) износ основных производственных фондов. Кроме того, в промышленности произошло сжатие обрабатывающего сектора с 42 до 37 %.

В условиях почти восьмикратного сокращения инвестиций в промышленность спрос на машины и станки снижался на протяжении всех 1990-х годов. В результате значительная часть станкостроительных предприятий перестала существовать, а количество занятых в отрасли сократилось примерно в 20 раз. Доля отрасли в ВВП страны составляет всего 0,02 % [13].

Деиндустриализация – явление совсем не редкое и фактически в последние несколько десятилетий она затронула многие страны мира. В частности, «ржавый пояс» США, названный так из-за упаднического состояния сталелитейной промышленности и тяжелого машиностроения в стране, возникше-

го еще в 1970-х – 1980-х годах. На исходе XX века транснациональные корпорации (ТНК) США приобрели репутацию «убегающих корпораций» в связи с интенсивным переносом производства и экспортом рабочих мест в зарубежные страны [14]. По данным Международной организации труда (МОТ), удельный вес занятости в обрабатывающей промышленности США снизился с 27,28 % в 1984 году до 18,39 % в 2016 году.

Рисунок 2 – Динамика развития промышленного сектора в РФ в 1989–2017 гг. [12]

Figure 2 – Dynamics of development of the industrial sector in the Russian Federation in 1989–2017 [12]

Деиндустриализацию переживают сейчас и развитые страны Европы, за исключением Германии, доля промышленности в ВВП которой по-прежнему остается на высоком уровне – 30,4 % [15]. Однако, в отличие от данного процесса в России, применительно к Европе нецелесообразно говорить о деиндустриализации всей экономической системы, поскольку упомянутые признаки коснулись европейской промышленности лишь в связи с переносом значительного количества производственных предприятий в другие страны. При этом научные исследования и разработки в развитых странах в последние годы оставались на высоком уровне и в какой-то степени задавали темп всему остальному миру.

Тем не менее настоящие и будущие негативные последствия деиндустриализации побудили Еврокомиссию поставить планку развития доли сектора промышленности в ВВП ЕС до 20 % к 2020 г [16]. По данным Всемирного банка, больше всего деиндустриализация коснулась таких стран как Великобритания (с 28,6 % в 1991 г. до 19,2 % в 2019 г.) и Франция (с 34 % в 1965 г. до 19 % в 2019 г.). Относительно невысокий спад доли промышленности и сельского хозяйства в ВВП показывает лишь Германия (с 37 % в 1991 г. до 31 % в 2019 г.) (рис. 3). Занявшие образовавшиеся ниши отрасли сферы услуг не показывали столь же высокую эффективность для экономического роста.

Рисунок 3 – Доля промышленности в странах Евросоюза, 1991–2019 гг., % [17]

Figure 3 – Share of industry in the EU countries, 1991–2019, % [17]

Деиндустриализация далеко не лучшим образом отразилась на занятости населения за счет сокращения рабочих мест в производственном секторе и, конечно, масштабной автоматизации подавляю-

щего большинства отраслей промышленного производства. В результате в ряде стран масштабы сокращения были поразительны (таблица 2).

В январе 2014 г. Еврокомиссией было опубликовано специальное коммюнике «За европейский промышленный ренессанс», призывающее возрождать промышленность в Европе. Для борьбы с продолжающейся стагнацией в экономике Евросоюза и высоким уровнем безработицы Еврокомиссия призывает на помощь промышленный сектор как «драйвер экономического роста» [18].

Помимо тенденций постиндустриального кризиса и деиндустриализации как на страны Европы, так и на Россию в последнее время усиленно влияют и неэкономические факторы. Приведем несколько примеров.

Результаты референдума 23 июня 2016 года по вопросу выхода Великобритании из состава Евросоюза повлекли за собой прогнозы снижения темпов роста экономики развитых стран.

Резкому снижению темпов роста российской экономики в 2014–2019 годах способствовало не только снижение цен на экспортируемую Россией нефть как основной источник доходов государственного бюджета, но и введение против России международных санкций, обусловленное политическими причинами и направленное на международную изоляцию страны.

Таблица 2 – Численность занятых в промышленности в странах Европы, 1990-е гг., 2019 г., тыс. чел. [19]

Table 2 – Number of employed in industry in European countries, 1990-ies, 2019, thousands people [19]

Страна	1990-е гг.	2019г.	% изменения
Германия	10 968,0	8 081,0	26,32
Великобритания	4 307,5	2 947,9	31,56
Франция	4 216,0	2 996,0	28,94
Португалия	1 071,0	773,5	27,77
Ирландия	304,0	225,5	25,82

Кроме того, данные санкции, а также контрмеры в виде продовольственного эмбарго, предпринятые Россией, значительно повлияли на развитие международной торговли со странами Евросоюза, что естественным образом нанесло некоторый ущерб и экономике стран Евросоюза.

Базовой отраслью промышленности, продукция которой применяется во всех передовых областях производства, приоритетных для России, является станкостроение. Поэтому, мы подчеркиваем, что станкостроительная промышленность является одной из важнейших фондообразующих отраслей.

Научная новизна исследования

1. Применительно к явлению, сопутствующему постиндустриализации экономики, введены авторские понятия «позитивная деиндустриализация» развитых стран Западной Европы и «негативная деиндустриализация» России, считаем это положение, содержащее важную научную новизну, положение, опубликованное нами уже и ранее;

2. Обосновано, что эффективное импортозамещение следует начинать не со стратегии протекционизма, а со стратегии реиндустриализации, так как рост импорта оборудования и его частей – закономерное следствие деиндустриализации экономической системы;

3. Обозначены ожидаемые результаты реиндустриализации применительно к развитию экономики страны и диверсификации ее внешнеторговых связей (как экспорта, так и импорта).

4. Определены проблемы и перспективы развития процессов импортозамещения и реиндустриализации в мире, дано авторское понимание совершенствования политики импортозамещения и реиндустриализации, проводимой Россией.

5. Аргументируется приоритетность реиндустриализации в станкостроении не только как фактора эффективного импортозамещения в предъявляющих на него спрос отраслях, но и как фактора обеспечения технологической безопасности страны.

Полученные результаты и выводы

Базовой отраслью промышленности, продукция которой применяется во всех передовых областях производства, приоритетных для России, является станкостроение. Поэтому мы подчеркиваем, что станкостроительная промышленность является одной из важнейших фондообразующих отраслей.

Первоочередность реиндустриализации станкостроительной отрасли является одной из важнейших условий импортозамещения в промышленности. Как известно, ведущие мировые бренды отличаются качеством, но и высокой стоимостью, а также угрозой блокирования работы оборудования в условиях нестабильности экономических и политических отношений России со странами Запада.

Таким образом, по нашему мнению, процесс реиндустриализации как стратегии импортозамещения в производных, в том числе экспортоориентированных отраслях следует начинать именно со станкостроения. Станочное оборудование является своего рода инвестиционным товаром для производства продукции большинства остальных отраслей машиностроения, а также с отраслями промышленности, для развития которых необходимо государственное участие в развитии тесно связанного с ними станкостроения.

Библиографический список

1. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. New York: Basic Books, 1973. 188 p. URL: https://celz.ru/daniel-bell/527562-the_coming_of_post-industrial_society.html.
2. Алексахина А.Г. Демографический фактор в экономической истории // АНТРО. 2014. № 1 (14). С. 17–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21164174>.
3. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. Москва, 1995. 256 с. URL: <https://booksee.org/book/769348>.
4. Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, Т. 9, № 24 (213). С. 2–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19098680>; <https://inecon.org/docs/suharev/ni2413-02.pdf>.
5. Багдасарян В.Э. Риски и угрозы сервисизации России в рамках Идеологии постиндустриализма // Вестник МГОУ / www.evestnik-mgou.ru. 2013. № 2. С. 29. URL: <http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/349>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20178532>.
6. Industry, value added (% of GDP) – World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart>.
7. Services, etc., value added (current US\$) – World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.CD?locations=US&view=chart>.
8. Источник: Services, etc., value added (current US\$) – World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.CD?locations=US&view=chart>.
9. GDP growth (annual %) – World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.
10. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Москва: Научный эксперт, 2012, С. 8–9. URL: https://russiaindustrialpark.ru/sites/default/files/postindustrializm_-_opyt_kriticheskogo_analiza.pdf.
11. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация. Круглый стол в Вольном экономическом обществе России // Мир новой экономики. 2014. № 1. С. 11–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21406417>.
12. Жиронкин С.А. Технологические детерминанты выхода экономики России из структурной десоциализации // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 14–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25064473>.
13. Рейтер Татьяна. Еще одна попытка: Импортозамещение в реальном секторе // Промышленно-строительное обозрение. 2015. № 164 (май).
14. Арсеев А., Петрушина Т. США и Украина: сценарии деиндустриализации. // Социология: теория, методы, маркетинг. 2014. № 2. С. 23–47. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/90562/02-Arseenko.pdf?sequence=1>.
15. Germany: GDP – COMPOSITION BY SECTOR // The World Factbook. Central Intelligence Agency. URL: https://www.indexmundi.com/germany/gdp_composition_by_sector.html.
16. Промышленная революция возвращает производство в Европу // ЮНИДО в России. 2013. URL: http://www.unido-russia.ru/archive/num11/art11_20.
17. Industry, value added (% of GDP) – World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart>.

18. Зарицкий Б.Е. Европа: Реиндустриализация vs. Деиндустриализация // Экономические науки. 2014. № 117, С. 169–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23069967>; https://ecsn.ru/files/pdf/201408/201408_169.pdf.
19. ОЭСР. URL:<http://www.oecd.org>.

References

1. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. New York: Basic Books, 1973, 188 p. Available at: https://celz.ru/daniel-bell/527562-the_coming_of_post-industrial_society.html.
2. Aleksakha A.G. Demographic factor in economic history. *ANTRO*, 2014, no. 1 (14), pp. 17–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21164174>. (In Russ.)
3. Inozemtsev V.L. On the theory of post-economic social formation. Moscow, 1995, 256 p. Available at: <https://booksee.org/book/769348>. (In Russ.)
4. Sukharev O.S. Economic policy of reindustrialization of Russia: opportunities and limitations. *National Interests: Priorities and Security*, 2013, vol. 9, no. 24 (213), pp. 2–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19098680>; <https://inecon.org/docs/suharev/ni2413-02.pdf>.
5. Bagdasarian V.E. Risks and threats of the servicing Russia in the frame of postindustrialism. *Bulletin of Moscow Region State University / www.evestnik-mgou.ru*, 2013, no. 2, p. 29. Available at: <http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/349>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20178532>. (In Russ.)
6. Industry, value added (% of GDP) – World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart>.
7. Services, etc., value added (current US\$) – World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.CD?locations=US&view=chart>.
8. Source: Services, etc., value added (current US\$) – World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.CD?locations=US&view=chart>.
9. GDP growth (annual %) – World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.
10. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Kara-Murza S.G., Deeva M.V., Safonova Yu.A. Postindustrialism. Experience of critical analysis. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2012, pp. 8–9. Available at: https://russiaindustrialpark.ru/sites/default/files/postindustrializm_-_opyt_kriticheskogo_analiza.pdf. (In Russ.)
11. Bodrunov S.D. Reindustrialization. Round table in the Free Economic Society of Russia. *The world of new economy*, 2014, no. 1, pp. 11–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21406417>.
12. Zhironkin S.A. Technological determinant of Russian economy overcoming of structural desocialization. *Russian Journal of Economic Theory*, 2015, no. 4, pp. 14–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25064473>. (In Russ.)
13. Reiter T. Another attempt: Import substitution in the real sector. *Industrial and Construction Review*. May 2015, no. 164. (In Russ.)
14. Arsenko A., Petrushyna T. USA and Ukraine: scenarios of deindustrialization. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2014, no. 2, pp. 23–47. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/90562/02-Arsenko.pdf?sequence=1>. (In Russ.)
15. Germany: GDP – COMPOSITION BY SECTOR. *The World Factbook. Central Intelligence Agency*. Available at: https://www.indexmundi.com/germany/gdp_composition_by_sector.html.
16. The industrial revolution returns production to Europe. *UNIDO in Russia*, 2013. Available at: http://www.unido-russia.ru/archive/num11/art11_20/. (In Russ.)
17. Industry, value added (% of GDP) – World Bank Data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart>.
18. Saritskiy B.E. Europe: Reindustrialization vs. Deindustrialization. *Economic Sciences*, 2014, no. 117, pp. 169–175. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23069967>; https://ecsn.ru/files/pdf/201408/201408_169.pdf. (In Russ.)
19. OECD. Available at: <http://www.oecd.org>.